

Б р и т а О С Б Р И Н К

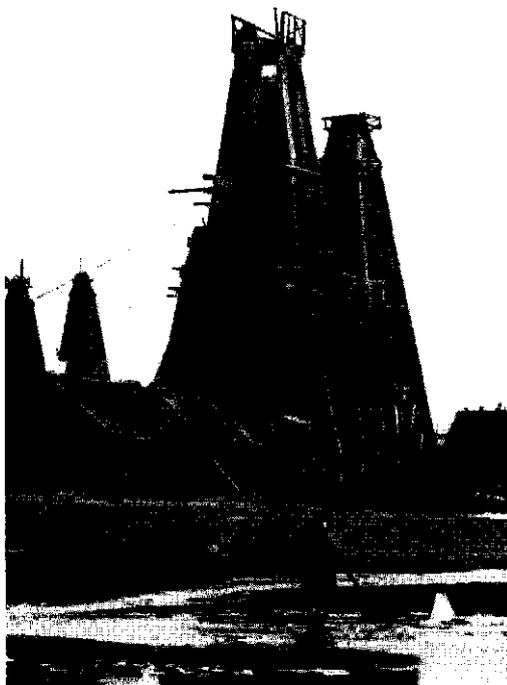
ИМПЕРИЯ НОБЕЛЕЙ

История
о знаменитых шведах,
бакинской нефти
и революции
в России

БРИТА ОСБРИНК

Империя Нобелей

История о знаменитых шведах,
бакинской нефти и революции в России

Перевод с шведского
Татьяны Доброницкой

МОСКВА «ТЕКСТ» 2003

Содержание

Предисловие	7
Пролог	10
ГЛАВА 1 <i>Укrocение нитроглицерина и нефти</i>	13
<i>Род Нобелей. Нефть в России и США. Зороастрийцы</i>	
ГЛАВА 2 <i>Людвиг создает «систему»</i>	63
<i>Ротшильды. Густав Тёрнхууд. Свен Хедин в Баку.</i>	
<i>Мусульманский праздник</i>	
ГЛАВА 3 <i>Райский уголок в Баку</i>	100
<i>В малопрятном месте под названием Баку требуются наилучшие условия для скандинавов</i>	
ГЛАВА 4 <i>Краh компании — дело времени!</i>	110
<i>Конфликт между Альфредом в Париже, Робертом в Швеции и Людвигом в Петербурге</i>	
ГЛАВА 5 <i>Новое поколение во главе с Эмануэлем и Карлом</i>	133
<i>«Никому не заполнить пустоты», — сетует овдовевшая Эдла.</i>	
<i>Смертоносная холера</i>	
ГЛАВА 6 <i>Взрывоопасное завещание</i>	155
<i>Завещание Альфреда Нобеля вносит в клан раскол</i>	
ГЛАВА 7 <i>Шикарная жизнь в Баку и Петербурге</i>	164
<i>Переписка Рут Граненгиссер с матерью Марией из Норрбю</i>	
ГЛАВА 8 <i>Предчувствия краха — и Великое Обновление</i>	182
<i>Анархисты и социалисты заявляют о себе</i>	
ГЛАВА 9 <i>Товарищество в расцвете сил!</i>	200
<i>Отличное руководство в Баку и Петербурге</i>	
ГЛАВА 10 <i>Проклятые убийцы!</i>	212
<i>Гуннар Дальгрен и Рут Стигселиус о кровавом 1907 г.</i>	
ГЛАВА 11 <i>1909-й - год юбилеев и проблем</i>	223
<i>Пятидесятилетие Эмануэля и тридцатилетие товарищества.</i>	
<i>Аксель Блумгрэн едет в Чимион</i>	
ГЛАВА 12 <i>Первая мировая война — большие поставки для фронта!</i>	241
<i>Падение царизма. Революция! Нефтяной магнат Тагиев.</i>	
<i>Политический хаос</i>	
ГЛАВА 13 <i>Революция — временное явление?</i>	264
<i>«Стандарт ойл» покупает товарищество. Аксель Блумгрэн последним выбирается из Баку</i>	
Эпилог	270
Некоторые действующие лица	279
Именной указатель	282
Библиография	286
Источники иллюстраций	287

Предисловие

ЕСЛИ РАНЬШЕ дореволюционная история России нередко замалчивалась, то с 1991 г., после распада Советского Союза, о ней заговорили вновь. Оказывается, память о Нобелях и их промышленной империи в России сохранили дети и внуки тех, кто некогда работал на нобелевских предприятиях. Личные вещи, принадлежавшие Нобелям и конфискованные во время революции, теперь передаются их шведским потомкам. Даже государственные деятели России и Азербайджана, а также Туркменистана и других стран Средней Азии не остались в стороне и пожелали увековечить память о Нобеле. Так появились памятники, почтовые марки, улицы с новыми названиями и стипендии молодым ученым.

Проникнутые уважением современные статьи и письма содержат множество легенд и фактических ошибок, но в них чувствуется огромное стремление заново приобщиться к своему прошлому, и это очень трогательно. Тем не менее создать правдивую историю семидесятилетней деятельности компании крайне непросто! При отступлении в 1939—1940 гг. финские войска взорвали летнюю резиденцию Нобелей на Карельском перешейке, усадьбу Кирьола, уничтожив хранившуюся там подробную историю как самого семейства, так и «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». К счастью, после десяти лет упорного труда Марте Нобель-Олейниковой удалось создать замечательную биографию своего нежно любимого отца, Людвиг Нобеля, в которой раскрывается и история товарищества в царской России. Вот что она пишет в заключении своей книги о периоде накануне революции 1917 г. и последовавшей в 1920 г. национализации компании:

«На долю высших руководителей «Товарищества бр. Нобель» тоже выпало немало бед: им пришлось выпутываться из невероятно сложных ситуаций, усугублявшихся тем, что в тогдашнем политическом и общественном хаосе не было ни одного человека, да-да, буквально ни одного человека, к которо-

СЛЕВА:

Парк отдыха для служащих товарищества — с оранжереями, фонтанами, бассейнами. Фотография сделана в конце сентября 1908 г. Гуннаром Дальгреном: он ест виноград и снимает Отто Тулина и Ниссе Ландберга

му можно было бы обратиться за советом: этому препятствовал и личный опыт, и зачастую не скрываемое чувство превосходства. Впрочем, сколько-нибудь достоверно и взвешенно описывать ту эпоху и судить о ней — дело слишком ответственное и сложное, поэтому мы лучше оставим его тому, у кого будут реальные предпосылки с ним справиться».

Марта слишком требовательна к себе, поскольку любой человек, пытающийся изобразить то время, сталкивается с огромными трудностями. Революция, войны, пожары, наводнения, а также всеобщая неразбериха уничтожили документы и фотографии. Оставшиеся от них крохи разбросаны по всему миру: кое-что сохранилось в архивах, кое-что находится в частных руках. Материалы о жизни и деятельности семейства Нобель должны быть собраны в одном месте, в музее, — желательно в Стокгольме, откуда начинается их история (с приезда из Упсалы Иммануэля Нобеля¹ и его женитьбы на Андриетте) и куда Нобели съехались после революции.

Бесценным помощником стал для меня архивариус нобелевской семьи Карл Тюден. Мы с ним познакомились в Баку в марте 1999 г., и с тех пор он охотно давал мне для прочтения и просмотра письма, фотографии и книги, отражающие радости и горести в жизни большого клана Нобелей или споры по поводу управления товариществом между Альфредом, Людвигом и Робертом. Через Карла Тюдена я связалась с родными тех шведов, норвежцев и финнов, которые в свое время работали на предприятиях компании и оставили после себя письма, дневники, воспоминания... Чего только не таится на чердаках!

Сделав более современной орфографию, я, однако, оставила названия стран и городов такими, какими их знали до 1920 г. В царской России пользовались юлианским календарем, а не привычным для остальной Европы григорианским, что означает разницу в 12—13 дней. После нескольких лет, проведенных в России, многие стали путать эти две системы летосчисления, приводя одни даты по старому стилю, а другие — по новому. Но что такое 12—13 дней для нашего повествования?

В ожидании тех, у кого будут «реальные предпосылки» справиться с делом, нам придется довольствоваться тем толкованием событий, какое сумеем дать мы сами! И речь у нас пойдет о развитии нефтяной промышленности в закавказском Баку (на территории современного Азербайджана), о социализме, об этнических раздорах и борьбе за власть, а также о людских судьбах в крайне неспокойное время — иными словами, об эпохе, которая начиналась столь многообещающе

¹ В России его имя, как и имя его внука Эмануэля, встречается в самых разных написаниях — Эммануэль, Эммануил, Иммануил и т. д. В данном издании отдается предпочтение орфографическим вариантам, близким к шведскому произношению.
(Здесь и далее нумерованные примечания переводчика.)

*Бакинский храм
огнепоклонников Атеиств
стал эмблемой
«Товарищества бр. Нобель»*

и закончилась хаосом. Бывшие служащие «Товарищества бр. Нобель» рассказывают о своей работе на промыслах и в грохочущих заводских цехах, о горящих нефтяных фонтанах, о вылазках на природу и походах в гости, о путешествиях и далекие края, где их ожидают мороз и жара, любовь и семейная жизнь, знакомство с чужими традициями и обычаями, гибель близких и бегство через разоренную Россию, после которого увидеть снова Баку им уже не суждено!

От всего сердца благодарю Карла Тюдена, Майю (Марию) Барре, Йорана Бэрнъельма, Ларса Эка, Оке Эрландссона, Ингрид Хагелнн и Маргарету Хагелин-Беркер, Андерса Хультгорда, Махира Искендерова, Бенгта Янгфельдта и Карин Ланге, а также Нобелевский фонд, Музей Вермланда и вермландский Архив народного движения, Марианну Стигселиус, Йоко Тёрнудд, Анн-Маргрет Виман, Фонд Веры Сагер и Королевское патриотическое общество.

Иммануэль Нобель

Пролог

В XIX ВЕКЕ ШВЕЦИЯ была страной бедной, инертной и малоразвитой. В 60-е годы, когда там свирепствовала нужда, шведы искали лучшей доли для себя и своих детей либо в Америке, либо на востоке - в России, Санкт-Петербург привлекал целеустремленных молодых людей (ремесленников, механиков, предпринимателей), которые парохомом переправлялись через Балтийское море в Финляндию, а уже оттуда, из Обу², попадали по суше в российскую столицу. Среди первых иммигрантов оказался в 1837 г. и Иммануэль Нобель. В Стокгольме он добывал себе средства к существованию как механик, изобретатель и архитектор. Видимо, он разорился и искал в России убежища от кредиторов, но кто знает, вдруг он разглядел в этой стране новые возможности и у него появилась надежда на лучшее будущее?

В России дела у Иммануэля Нобеля и впрямь идут на лад. Семейство преуспевает. Иммануэль открыл в Петербурге завод, где производит мины и оружие для российской армии, с 1853 по 1856 воюющей в Крыму с турками и англичанами. Сыновья Роберт, Людвиг и Альфред получили хорошее домашнее образование, но, видимо, самый серьезный толчок в их развитии должен дать завод, куда их определяет подстрогий надзор мастеров отец. Иммануэль прекрасно знает сыновей, и, по его мнению, «Роберт больше наделен склонностью к спекуляциям, Людвиг — гениальностью, а Альфред — работоспособностью». Сам же отец по натуре холерик и отличается крайней импульсивностью. Он невероятно трудолюбив и утверждает, что его больше интересует работа, чем награда за труды. Внезапно Крымская война кончается, а с ней кончаются и заказы. Новое банкротство вьнуждает Иммануэля после 20 лет жизни в России вернуться в Стокгольм. На борт судна с ним поднимаются жена Андриетта и младший сын, Эмиль, тогда как Роберт, Людвиг и Альфред

² Шведское название города Турку, в свое время известного у нас как Або.

уже выросли и начинают самостоятельную жизнь. Все трое станут крупными международными деятелями эпохи индустриализации.

Телефон еще не изобретен. Люди пишут друг другу письма, нередко на хорошей бумаге и настоящими чернилами, а такой текст доживает до прочтения потомками. Активный и сплоченный семейный клан успешно продвигается вперед, делает успехи. В письмах Андриетты детям и внукам чувствуется ее сила и душевная теплота. Мать, как ступица в колесе, скрепляет всех членов семьи, несмотря на их строптивые характеры. Письма проникнуты духом терпимости, прощения, примирения после разногласий. Вместе с детьми и многочисленными внуками Андриетта переживает горе, радости, страхи и всяческие сюрпризы, в том числе и приятные. Особую любовь она испытывает к поселившемуся в Париже холостяку Альфреду. Письма, подарки, цветы то и дело мчатся в разные концы Европы. И в каких количествах! Мать и сыновья пишут друг другу подробно и часто. А еще без устали (на пароходах и поездах) ездят повидаться друг с другом, поучаствовать в переговорах с конкурентами и банкирами в какой-нибудь из европейских столиц, посмотреть интересное производство «для переснятия опыта» или отдохнуть на водах.

Даже состоятельные семьи не застрахованы от холеры, тифа и туберкулеза. И у них умирают в младенчестве дети, родильная горячка уносит жен и матерей. Все три брата не могут похвастаться отменным здоровьем, Роберт внушил себе, что страдает от множества хворей сразу, а его крутой нрав не способствует выздоровлению. Людвиг по натуре человек спокойный, оптимист, но после перенесенной в детстве болезни у него слабое сердце. Он не вылезает из ангин и вечно экспериментирует с домашними увлажнителями и очистителями воздуха. Альфред мучится ревматизмом, мигренями и несварением желудка, а изредка еще впадает в глубокую депрессию. Альфред так и остался холостяком, однако живо интересуется детьми Роберта и Людвиг и уделяет им много времени — он хороший дядя. Некоторые из Альфредовых племянников будут потом продавать изобретенный им динамит и развивать промышленную и нефтяную империю Нобелей вплоть до 1920 г., когда революция захлестнет и Баку. После этого им придется довольствоваться крохами былого величия в парижской и стокгольмской конторах.

Андриетта Нобель

Все мы прекрасно знаем, что Альфред завоевал мировую славу благодаря учрежденной им Нобелевской премии. Куда менее известно, что Роберт и Людвиг были зачинателями российской нефтяной промышленности. На памятнике Роберту, который похоронен на Северном кладбище Стокгольма, высечено: «Роберт Нобель. Основатель "Товарищества братьев Нобель" в Баку». Это правда, хотя и не вся правда. А черное надгробие Людвигу возвышается на запущенном кладбище в Санкт-Петербурге.

В своих неопубликованных воспоминаниях «Мой трудовой путь» (шведское название «37 лет трудового счастья»)³ Карл Вильгельм Хагелин напишет:

«Я прекрасно понимаю, что кто-нибудь из тех, кому попадутся на глаза эти строки, может недоумевать: "К чему все эти длинные и скучные рассуждения об эллингах, доковании судов, приеме миллиона пудов нефти в день и прочем?" Разумеется, во всех этих предметах нет ничего особенного, и они могут быть неинтересны посторонним, но для меня удачно выполненная работа, независимо от ее коммерческой ценности, возносится над материальным миром благодаря особому сиянию, которое придает ей иную ценность, делает предметом искусства.

Эмануэль Нобель однажды сказал:

— Что мне с высоких дивидендов?! Оно, конечно, пускай будут, только самое главное все же победа труда, предприимчивости, инициативы. Эта победа дороже денег.

И он был прав, тысячу раз прав».

³ Воспоминания были опубликованы в Америке его сыном, Борисом Хагелином, и в сокращенном виде - в Швеции.